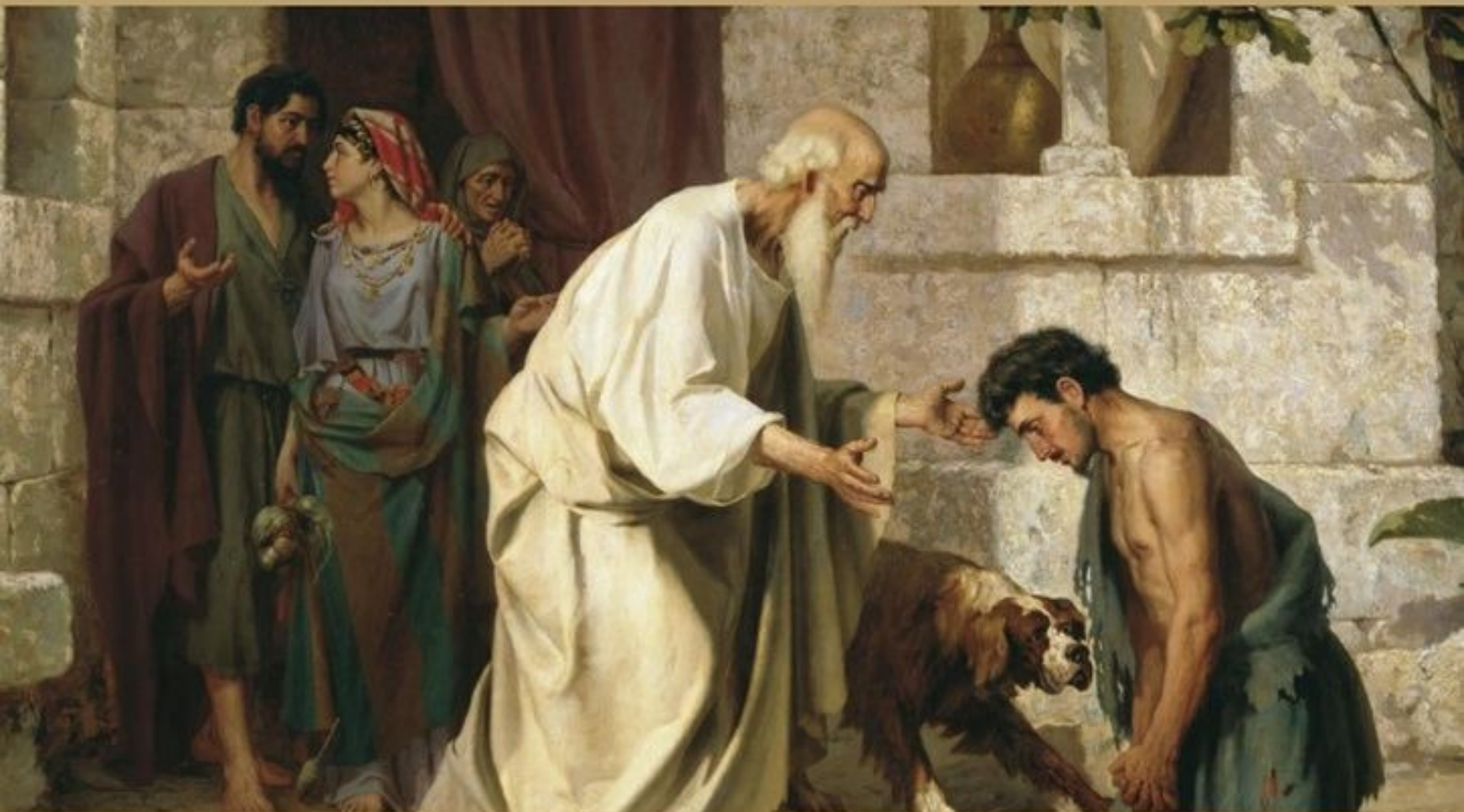

18+

Сергей Милютин

АНДЕР И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Фантастическая повесть

Сергей Милютин

**Андер и возвращение.
Фантастическая повесть**

«Издательские решения»

Милютин С.

Андер и возвращение. Фантастическая повесть / С. Милютин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830617-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** «Андер и возвращение» — психологический триллер
в космооперные времена. Землю частично заселили инопланетяне. Тем
временем часть землян успела освоить несколько миров в других звёздных
системах и вознамерилась изгнать инопланетян с прародины. Андер —
землянин, успешно встроенный в социум инопланетян. На первый взгляд...

ISBN 978-5-44-830617-4

© Милютин С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Станция Миров. Миссия Итаки	8
Глава 2. Станция миров. Миссия Земли	17
Глава 3. Космопорт Сумерек	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андер и возвращение Фантастическая повесть

Сергей Милютин

© Сергей Милютин, 2016

ISBN 978-5-4483-0617-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из красного дневника:

«...Сейчас, когда вы читаете эти строки, Олли Андер мертв.

Предки в таких случаях говорили: «Он сам выбрал свою судьбу». Нам же стоит разобраться в причинах и сделать выводы из его истории, чтобы не прийти к такому же концу...»

Пролог

Олик прижался спиной к стене. Камнепластик неприятно холодил лопатки, но отойти не представлялось возможным – над Оликом нависали два новых одноклассника, имена которых он еще не успел запомнить. Оба – на голову выше мальчика и настроенные явно недружелюбно.

– Только детей безработных нам тут не хватало, – прошипел один, – Ты чего в нашу школу приперся, нищеврод?

Олику тут же захотелось объяснить, что перешел он не по своей воле, а потому что их выселили из старого дома и им с папой пришлось переехать на квартиру бабушки с бабушкой. Но вместо этого он неожиданно для себя упрямо прошептал:

– Мой папа – не безработный! Он ученый, книжки по истории пишет!

– Он еще и издевается! – с наигранным возмущением бросил один дылда к другому.

– Да нет, – криво усмехнулся второй, – Он просто дурачок: не знает, что история – лженаука.

– Это вранье! – с храбростью отчаянья крикнул Олик.

– Чего? – всерьез разозлился второй одноклассник, – Да я тебе!

– Слоны, отпусти его!

Олик с неясной еще надеждой судорожно повернул голову на голос. Там стоял невысокий парень из его нового класса с длинными черными волосами и нервным лицом. Он постукивал по полу большой суковатой палкой. Из-за плеча парня испуганно выглядывала нескладная рыжая девчонка с огромными глазами.

– Художник? – удивленно обернулся тот, кого называли Слоном, – Опять лезешь не в свои дела?

– Пусти его, – с непонятным весельем в голосе повторил нервнолицый мальчишка, – Он – из моей команды.

– С каких это пор? – усомнился второй дылда.

– Да вот с этой минуты, – не задумываясь, ответил Художник, и уже обращаясь к Олику, – Пойдешь ко мне в команду?

– Пойду! – радостно крикнул Олик.

– Классная у тебя команда! – издевательски расхохотался Слон, – Дочь уборщицы и сын безработного!

– Это лучше, чем сын прихвостня ленсов, – немедленно парировал Художник.

– Ты это о чем? – не понял Слон.

– Твой отец работает в управе, а все, кто в управе – прихвотни ленсов, – отчеканил Художник.

– Чего? – скривился Слон, – А в носопырку?

Слон замахнулся огромным кулаком. И тут же у него под носом молниеносно просвистел толстый конец палки. Слон от неожиданности отпрянул, оступился, и упал на одно колено.

– Нет, Слон, я мародеров в вассалы не принимаю, – морально добил его Художник, убирая дубинку.

Олик узнал фразу из нового голофильма про древние времена. Ее говорил главный герой главному злодею перед тем, как презрительно помиловать.

– Да ладно, не связывайся с ним, – хмуро сказал Слоны второй дылда, помогая встать, – Он – мало того, что псих, так еще его папаша сейчас Конгресс-холл рсписывает. С ним сам президент за ручку здороваются. На его сына полезешь – сам потом виноват окажешься.

Побежденные быстро ретировались.

Художник подошел к Олику и протянул руку.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Олик.

– Не за что, – отмахнулся Художник, – Думаешь, я просто так про команду сказал? Говорят, ты в математике рубишь, а Капитану Вальми нужен в команде борт-инженер.

– Кто такой Капитан Вальми? – не понял Олик.

– Капитан Вальми – это я, – объяснил Художник и представился, – Фил Вальми, капитан «Большой рыбы». А это – Темис, пилот. Ты не смотри, что она – девчонка, на симуляторах гоняет, только пыль столбом!

– Артемида, – с застенчивой улыбкой представилась девчонка.

– Очень приятно, – серьезно пожал ей руку Оливер, – А что это за игра, в которую вы играете?

– С чего ты взял, что это игра? – насупился Капитан Вальми, – Все по правде. Мы научимся управлять кораблем, захватим военный корабль ленсов, и улетим за Фронтир.

– А потом? – зачарованно спросил Оливер.

– А потом присоединимся к флоту Вnezемелья под командованием Ариэля Брейвиса. С ленсовским крейсером он нас обязательно примет. Ты знаешь, кто такой Брейвис?

– Нет, – помотал головой Олик.

– Я тебе расскажу, – пообещал Фил, – Тебя как звать?

– Олик, – представился Олик, но сообразил, что звучит как-то не мужественно, и поправился, – Оливер. Оливер Андреев.

– Олик – не звучит, – задумчиво заметил Фил, – Будешь Олли, Олли Андер – борт-инженер «Большой рыбы».

– Олли Андер... – изумленно прошептал новый член команды десятилетних заговорщиков, смакуя свое новое имя.

Глава 1. Станция Миров. Миссия Итаки

Тридцать лет спустя.

Из красного дневника:

«В человеческом языке нет слова, обозначающего хорошее отношение к разумному существу, как к таковому. Есть «гуманность» от латинского «человек».

Можно ли сказать, что это слово появилось, когда человечество не ведало о других разумных? Отнюдь, люди прекрасно знали о бесах и демонах. Ну и что, что впоследствии их признали не существующими? Во-первых, не очевидно, что их не было раньше. Во-вторых, не доказано, что их нет сейчас. В-третьих, какая, собственно, разница? Люди думали, что эти создания существуют, и ни кому в голову не приходило, что к этим тварям надо относиться гуманно только на основании их разумности. Их считали слугами Врага, и по этой причине с ними можно и нужно обращаться самым худшим и опасным для их жизни, здоровья и достоинства образом...»

Андер шел на встречу с Брейвисом по пустому коридору итакийской миссии. Адьютант адмирала следовал за ним в полушаге.

«Не то охранник, не то конвоир», – подумал Андер. Он украдкой рассматривал внутреннее помещения миссии. Все оказалось проще и скучнее, чем ожидалось. Отделка коридора представляла собой стандартный минимальный комплект станционного модуля. По стенам и потолку змеились толстые трубы коммуникаций. Пол светился обычным фосфоресцирующим покрытием. На всем лежал отпечаток то ли расчетливой бедности, то ли милитаристской целесообразности.

Андера не покидало ощущение угнетенности и подавленности. Он не мог понять, передается ли оно ему окружающей угрюмой обстановкой или вызвано его собственными мыслями о встрече и дальнейшей судьбе Брейвиса.

Внезапно из-за поворота появился человек в сером комбинезоне. Когда он приблизился, Андер разглядел короткую седоватую стрижку в сантиметр длиной. Одутловатое нездорового цвета лицо итакийца несло отпечаток более чем одного g и дурного питания. Поравнявшись с Андером, мужчина слегка скосил на него глаза, приподнял брови, и, не сбавляя шага, прошел мимо.

«Сколько ему лет? – задумался Андер, – Сорок пять? Пятьдесят? А выглядит как старик».

– Мы пришли, – коротко бросил адъютант. Андер очнулся, поднял глаза и увидел металлическую дверь с надписью на ингл – SAN KAMZ IN TVAILAIT.

Адьютант, не глядя на Андера, без стука распахнул дверь и громко объявил:

– Господин адмирал, ренегат здесь!

Андер вздрогнул и прошел в кабинет.

Аппартamentы легендарного командующего Вольной флотилии и Объединенных сил Внеземелья, а ныне полномочного посла-резидента Итаки на Станции выглядели немногим роскошнее коридоров миссии. Те же ничем не отделанные стены и незакрытые трубы коммуникаций. Индивидуальность помещению придавали только стеллажи с доисторическими информ-капсулами и дисками, наследие времен многомесячного автономного плавания Брейвиса-партизана, а возможно, и еще более ранних – Брейвиса-контрабандиста, желто-зеленый псевдо-травяной ковер, старинный стол и тяжелые деревянные кресла.

Сам Ариэль Брейвис, как обычно прямой, как корабельная сосна, стоял рядом с большим креслом. Руки адмирал заложил за спину и молча смотрел на гостя. Андер еще раз отметил про себя, что в жизни старик и впрямь очень похож на свои изображения. Редкий седой ёжик

на черепе без перерыва переходил в точно такую же седую и редкую бородку. Только на впалых и обвисших щеках топорщились черные волоски. На худом со следами многократных перегрузок смугло-пятнистом лице горели пронзительные глаза со сплошной красной сеткой на белках. Готовый портрет фанатика.

После короткой паузы Брейвис кивнул, сделал приглашающий жест на стул и отдал приказ адъютанту.

– Ортан, бутылку «Соли», пожалуйста. И два бокала!

Адъютант на секунду застыл на месте, еле заметно сделал отстраняющий жест и удалился.

Андер сел на стул. Старик нащупал рукой поручень кресла, тяжело навалился на него, медленно опустился.

«Однако, – подумал Андер, – старик уже не пытается скрывать, насколько он дряхл».

– Благодарю, что приняли мое предложение, – проскрежетал адмирал, – Откровенно говоря, не надеялся, что Вы решитесь прийти сюда, в сектор Итаки. Особенно после известного решения Великих.

Брейвис перевел дух, будто перед забегом. Затем заговорил отрывистыми рубленными фразами.

– Я готов отдать Вам должное. Вы хорошо сыграли на противоречиях между молодыми расами. Между ними и Великими Посредниками. Говоря каждому, что каждый хотел услышать. Пугая их же собственными страхами. Виртуозно притянули за уши Гегенский прецедент. Буквально вырвали у нас честно завоеванную победу.

Брейвис поморщился.

– Я видел все Ваши ухищрения, в том числе весьма сомнительные этически, и прекрасно понимал последствия. Просто Вы каждый раз оказывались на шаг впереди. На один – максимум два шага. Но всякий раз впереди.

Тут адмирал сделал паузу. Андер благодарно склонил голову. Он вспомнил, сколько ему пришлось потрудиться. Как скрупулезно, по кирпичику разбирал он цитадель из полуправды, логических подмен, софизмов и пропагандистской демагогии, которую Брейвис соорудил, защищая позицию Итаки на переговорах.

– Конечно, – продолжил Брейвис, – так же как и на Ваших представителей, на нашу делегацию работала целая армия консультантов, ксенопсихологов, специалистов по иным расам. Все эти замечательные ребята соглашались трудиться без сна и отдыха. Проблема в том, что в работе с чужими широкими специалистов практически нет. Да по понятным причинам и быть не может. Слишком разные культуры. У одного человека вся жизнь уходит, чтобы хотя бы чуть-чуть приблизиться к пониманию одной инопланетной цивилизации. Требовался очень хороший распорядитель, разбирающийся, хотя бы поверхностно, во всем сразу. Признаться, сначала я думал, что ваше представительство получает указания с Земли. Но с изумлением понял, что этот загадочный распорядитель – Вы. Не лэнс, а человек. Вы – уникал, Посол.

– Спасибо, адмирал, – Андер еще раз кивнул, – я польщен.

– Это – не комплимент, – мрачно заметил Брейвис.

В это время дверь открылась, и вошел Ортан. Он катил тележку с открытой продолговатой бутылкой сине-зеленого стекла и двумя бокалами. Обойдя Андера, как пустое место, адъютант подошел к адмиралу.

– Один бокал гостю, Ортан, – раздраженно сказал Брейвис, – Впрочем, оставьте, я сам.

– Адмирал, Вы... – Ортан побледнел как мел.

– Хватит, Ортан, Вы свободны, – Брейвис указал Ортану на дверь. Ни слова не говоря, адъютант аккуратно поставил поднос на стол, развернулся на деревянных ногах, и покинул кабинет с каменным лицом.

– Боюсь показаться невежливым, адмирал, – мягко заметил Андер, – но у наших общих предков совместное употребление спиртного считалось знаком дружеского расположения. Воз-

можно, с учетом нынешних обстоятельств Вам бы не стоило это делать так открыто? – Андер показал в сторону двери.

– Нынешних обстоятельств? – Брейвис выпучил глаза на Андера и хрипло расхохотался, – Какое трогательное беспокойство обо мне с Вашей стороны. Вы только посмотрите... Кстати, Посол, рассказать Вам, что значит слово, которым Вас у нас называют?

И не дожидаясь ответа Андера продолжил:

– Ренегаты – это христиане-европейцы – немцы, итальянцы, французы, отрекшиеся от веры предков и принявшие ислам. Ради хороших перспектив на османской службе. Ради больших денег и высокого положения. Вы знаете об этом?

Андер пожал плечами.

– Мой отец – историк.

Адмирал указал на поднос.

– Да Вы распоряжайтесь. Я думаю, мой возраст позволяет предоставить функцию виночерпия Вам. Это вино с Итаки. То, что мы научились делать под куполами. Пытались создать хотя бы слабое подобие родины. Которой Вы нас в очередной раз пытаетесь лишить. Справитесь? – Брейвис криво оскалился, – Я имею в виду, Вам приходилось разливать вино по бокалам?

Андер налил вино в бокалы, и передал один Брейвису. В то мгновение, когда рука Брейвиса притронулась к бокалу, Андер испытал странное чувство, как будто прикоснулся к герою «Илиады» или «Одиссеи». «Впрочем, Брейвис и есть герой мифа, – подумал он, – Мифа о Земле без ленсов».

– Вы знаете, что такое тост? – спросил Брейвис, – Это такая короткая – или не очень – фраза, которую у моих..., – он запнулся, – у наших с Вами предков полагалось произносить перед совместным употреблением вина. Тост произносили за что-то или в честь чего-то. Так вот, – адмирал поднял бокал, – я пью за человечество. У него была великая история, которую, впрочем, насколько я знаю, в нынешних земных школах не преподают.

Брейвис, не отрываясь, осушил бокал до дна.

Андер немного отпил, слегка закатив глаза. Удовлетворенно покачал головой.

– Вы правы, хорошее вино... По поводу «ренегата». Простите, адмирал – а кто Вы по вероисповеданию?

Адмирал скривился.

– Я – атеист. Неважно, это метафора. О чем я говорил? Ах да. Что я имел в виду. Сказать человеку, что он свои таланты положил на алтарь предательства – это вряд ли значит похвалить. Не обижайтесь, я ведь не ругаюсь, просто факт констатирую. Собственно, для того я Вас и пригласил. Хотел спросить – почему?

– Почему – что? – уточнил Андер.

– Почему Вы предали свою расу, свой биологический вид? – на лице грозного адмирала Андер увидел почти детское недоумение, – Я понимаю – положение, почести, деньги. Но неужели ради этого стоит перестать быть человеком?

Андер еле заметно изогнул губы в деликатной усмешке, будто оценил удачную шутку.

– Разве Вы видите перед собой не человека?

Адмирал покачал головой:

– Вы понимаете, о чем я толкую. Я сейчас не говорю о миллионах людей, которые уходят в Сумерки от великой нужды. Но Вы-то – сын известного историка, человека небедного и влиятельного, одного из лидеров Движения, как его бишь? – ага, «за сохранение человеческой культуры на Земле путем диалога».

Адмирал поморщился, будто на язык попало что-то горькое.

– Нет, я, конечно, понимаю, от соглашательства к предательству полшага. Но все же вот сам этот механизм каков? Из позиции «над схваткой», трусливой, лишенной достоинства,

но все еще как-то понятной – пойти служить врагам своего рода? Я ведь слышал, несмотря на убеждения, ведущие откровенно в никуда, лично Ваш отец – порядочный человек. Может быть, даже – чем черт не шутит – искренне любящий и Землю, людей, и человеческую культуру. Он даже как будто в ссоре с Вами. Это так?

«Говорит, как человек, привыкший не убеждать, а приказывать, – подумал

Андер, – Точно ли старик понимает, с кем разговаривает и в каком положении находится? Ничего у меня не выйдет.»

Андер помолчал.

– А Вы неплохо осведомлены об обстоятельствах моей жизни. Сказал бы мне кто-то лет двадцать назад, что сам Ариэль Брейвис будет знать о самом факте моего существования, я бы сошел с ума от восторга. Я в детстве играл в капитана Брейвиса с моими друзьями. В стэйте Ольвия.

– И это все, что Вы можете сказать?

– Нет, почему же? Например, еще я могу сказать, что у меня есть возможность примириться с отцом. И она бы никуда не делась и если бы Великие приняли решение полностью в Вашу пользу.

– В пользу человечества, – упрямо поправил Брейвис.

Андер сделал примирительный жест.

– Хорошо, в пользу человечества, как Вы эту пользу понимаете. Возможно, меня лишили бы высокого ранга в Цехе. Но, безусловно, я бы сохранил членство в нем, остался свободным, и мой отец не подвергся бы никаким репрессиям из-за моего провала. И ничего – кроме, разумеется, его желания или нежелания – не помешало бы нам встретиться в саду нашего дома в Ольвии. И выпить вина.

Андер покрутил бокал в руках. Еще немного отпил.

– Что касается Вас, адмирал... Насколько я знаю нравы и обычаи высшего руководства Итаки, боюсь, Ваше будущее может оказаться не столь безоблачно. И, возможно, будущее Ваших близких. И это, на мой взгляд, очень много говорит о том, какое будущее для Земли пытаетесь завоевать Вы. И какое защищаю я.

Брейвис побледнел, вцепился руками в поручни кресла. Вдохнул, отпустил их.

– Ладно, Андер. Я вижу, это у Вас не злорадство. Я скажу Вам. Я прекрасно понимаю, что меня ждет по возвращению. Определенно трибунал, наверняка – разжалование. Дальше – не знаю, может, даже, тюрьма до конца жизни. Может быть, – старик судорожно сглотнул, – бесчестие, которое и моим родным дорого обойдется. Но поймите, это все неважно. Не это меня сейчас волнует.

Брейвис поднял морщинистые руки ладонями вверх.

– Вы хотя бы понимаете, что вердикт Великих означает для человечества гибель?

Он ударил сморщенным кулаком по столу.

– И ведь мы фактически выиграли войну на поле боя! Выиграли! И что в результате? После переговоров дела обстоят хуже, чем до их начала. Теперь владение ленсами Землей из простого факта превратилось в статус, признанный Великими. Они теперь ответственны за его сохранение. Ну да, ну да – свободный культурный и информационный обмен, право внеземельнику переехать на Землю.

– Включая участвовавших в военных действиях, – вставил Андер.

Брейвис брезгливо отмахнулся:

– Да-да, обед из ресторана перед электрическим стулом. Словесный мусор, призванный закамouflировать главное – двести миллионов лэнсов остаются на Земле.

– На Земле не используют электрический стул, – заметил Андер.

– Я знаю, – отрезал Брейвис, – там теперь гуманно стирают память, – несмотря на слабость голоса адмирала, Андеру показалось, что последние два слова прогрохотали в небольшом

помещении. «Показать осведомленность в земных делах, и одновременно, лицемерие земной пропаганды, – привычно проанализировал Андер, – Работает на публику, забыв, что зритель всего один».

Брейвис сказал последнюю фразу, закрыл лицо рукой и надолго замолчал. Как будто в первый раз увидел поднос и рассеянно сказал Андеру:

– Да Вы наливайте, не стесняйтесь. И, наконец, ответьте на мой вопрос. Почему?

Андер печально улыбнулся.

– Разумеется, я понимаю, что вряд ли смогу Вас переубедить, но объяснить – пожалуйста. Я уважаю Вашу волю, самоотверженность, убежденность. Вы знаете, – вдруг повернулся он к Брейвису, – я ведь в детстве хотел бежать к Вам – воевать с ленсами. Мы тогда с другом разрабатывали планы, как мы проберемся в космопорт Сумерек, захватим корабль ленсов, и улетим прямо к Вам. Но потом мы узнали, что для управления кораблем надо слишком многому научиться. А когда я всему этому научился...

– И что случилось, когда Вы научились? – оторвал руку от лица, и поднял голову Брейвис.

Андер покрутил бокал в руке.

– Я поумнел, – он опрокинул вино в рот.

Андер подошел к полку с книгами.

– Вот я вижу тут у Вас книгу по межпланетной дипломатии, раздел территориальных споров. Стоит на видном месте. Стало быть, в него Вы заглядывали и не раз.

Он достал кассету с полки – повертел в руках.

– Собственно, этот талмуд с начала до конца читать смысла нет. Все его содержание почти полностью описывается одной фразой в предисловии: «территория принадлежит тем, кто на ней родился и живет». И все. И никакой Родины Предков, Земли Обетованной, Колыбели Человечества, и прочей лирики. Законный дом разумного – тот, в котором живет он сам, а не жилище его прадедушки.

Ваши предки сделали свой выбор – отправились с Земли в неведомые дали. Променили Землю на дальний космос с его неопределенностью, опасностями и невероятными возможностями.

Вам их выбор не нравится, Вы им не довольны. Вы требуете отменить этот обмен, Вы считаете, что предки Вас разорили, лишили наследства. Вы полагаете, что новые хозяева завладели Вашей собственностью несправедливо.

Андер понимал, что слишком многословен – старик может просто потерять нить – но ничего не мог поделать: бешеное напряжение последних дней переговоров давало о себе знать. Андер чувствовал, что проваливает, возможно, самый главный разговор в своей жизни. «Самый главный? – Андер мысленно стукнул себя по затылку, – Ты только что остановил войну, начавшуюся до твоего рождения. Пытаться спасти мир и еще одного человека – что за самомнение?»

– Я сейчас не буду вдаваться в подробности, как линзы оказались на Земле, – сказал он вслух, – Какой она предстала перед ними, почему стала такой, и какая часть людей жила на ней от еще недавних миллиардов. За месяцы переговоров мы на эту тему говорили уже столько, что сейчас вспоминать нет смысла.

Штука в том, что это все – нюансы, незначительные по сравнению с главным.

Андер остановился, и искоса глянул на Брейвиса – удостовериться, что тот еще слушает. Адмирал внимательно смотрел на него, не моргая и не шевелясь, как мраморное изваяние. Живой памятник себе. Андер мысленно сосчитал до десяти. «Добавить эмоциональности, что ли?»

– Да даже если бы мы имел дело с, действительно, насильственным изгнанием! Изгонявшие и изгнанники давно истлели в могилах. Их потомки живут своей так или иначе устроенной жизнью. Для них естественно считать своей родиной то место, где они родились. Где начали

познавать мир. Где их любили родители. Где они нашли первых друзей. Да, их деды пережили муки изгнания, потерю родины, иногда невыносимые моральные и физические страдания укоренения в чуждой почве.

Андер резко повернулся к адмиралу.

– Но чего хотите Вы? Чтобы новые поколения пережили те же муки? Чтобы одни, «возвратились» на эту «родину», которую они до сих пор никогда не видели, до конца дней мучительно привыкали к ней, и так и остались ей чужими навсегда, в последних снах видя ту, настоящую родину, от которой они отказались ради химеры, сказки, выдумки? А другие – против воли оставив свои дома, стали бы новыми изгнанниками, только теперь уже настоящими, без всяких оговорок?

Вы называете меня предателем, но кем можно назвать Вас, этот Ваш Совет Внеземелья? Благодаря вам двадцать миллионов разумных существ, вместо того, чтобы спокойно радоваться жизни, живут в постоянно подогреваемом состоянии глубокой скорби, осознания своей обиженности, сотворенной с ними жестокой несправедливости. Вместо того, чтобы работать на благополучие семей и детей, они тратят время, и силы, и громадные ресурсы на создание чудовищных средств убийства других живых существ. Более того, многие из них убивают и погибают не для защиты себя и близких, а ради завоевания того, чего они не знают и никогда не видели, ради лишения других разумных существ их домов.

Брейвис сделал было протестующий жест, но вместо этого расслабленно махнул рукой, и закрыл покрытой вздувшимися венами пятерной лицо. Андер продолжал.

– Меня поражает нелепость происходящего. Ведь если бы не эта бессмысленная война, люди Дальнего Внеземелья давно могли вернуться на Землю. Те из них, кто хочет. Вы же понимаете, только что отмененный запрет вызван лишь резонным опасением: если Возвращение будет разрешено, хунта неизбежно воспользуется возможностью, чтобы наводнить Землю лазутчиками, диверсантами и подпольщиками.

Ленсы живут на Земле уже много лет, среди них уже давно крайне мал процент тех, кто стал землянином в первом поколении. Люди и ленсы прекрасно сосуществуют друг с другом без взаимного убийства. Не говоря уже, что имеющийся уровень жизни в стэйтах без ленсов вовсе недостижим. О достатке, здоровье и продолжительности жизни ленсонов, живущих в Сумерках, я вовсе молчу.

Брейвис издал сдавленный звук. Андер обеспокоенно обернулся. На лице старика плясала гримаса. «Сдерживает смех?» – сообразил Андер, – «Однако».

– При этом Итака уже скоро полтора десятка лет живет на военном положении. Все это время Итакой правят военные, которых никто не избирает и, по большому счету, не контролирует. Все лишения, плохое управление, некомпетентные руководители – все списывается на войну. Вы уже вырастили у себя правящую касту, которая ни перед кем не отчитывается, и все меньше считается с объективной реальностью. Живущую войной и во имя войны. Ради бога, остановитесь. Вам плевать на ленсов, Вы их ненавидите, но людям хотя бы дайте спокойно жить.

Андер встретился глазами с Брейвисом и осекся. Взгляд Брейвиса напомнил ему о большой собаке.

– Да, да, Посол. Я выслушал Вас. Можете не продолжать. Я все понял.

Адмирал вздохнул. Посмотрел в псевдоокно на бескрайнее зеленое поле, окаймленное двумя редкими цепочками берез и осин. Шел грибной дождь.

– Вы знаете, какой сегодня день? Я имею в виду – по земному календарю. Старому земному, – уточнил он.

– Не припоминаю.

Брейвис кивнул.

– Не сомневался в этом. Сегодня день святого Валентина. В этот день у наших предков полагалось посылать любимым признания в любви. Вы отправили сегодня кому-нибудь валентинку, Андер?

Он повернулся к Андеру. «Однако, – подумал Андер, – Капитан Железная башка на старости лет становится сентиментальным.»

– На Земле нынче не празднуют христианские праздники, – заметил он вслух.

Брейвис усмехнулся.

– Да-да, я знаю... Папа Беренгарий – мой друг и сосед. Знаете, как он называет свой бункер? – «Небесный Авиньон». Но это слишком тонко для Вас, – старик пренебрежительно махнул рукой, – Хотя Вы не ответили. Впрочем, это тоже своего рода ответ... Так о чем я? – как бы про себя пробормотал старик.

– Вы что-то поняли, – с еле заметной издевкой подсказал Андер.

– Ах, да... что я понял... Понял, что Вы не понимаете главного. Скажите, сколько сейчас людей живет в Человеческой Зоне?

– В стэйтх? Около сорока миллионов, – ответил Андер.

– Их число за последнее столетие увеличилось? – поинтересовался адмирал.

– Нет, но Вы должны понимать, что низкая рождаемость еще не означает плохой жизни.

Адмирал остановил его рукой:

– Подождите, подождите... Мы с Вами уже не в зале заседаний. У Вас тут только один слушатель – я. Не перед кем блистать красноречием. Меня интересует только суть. И я не о плохой жизни говорю, что бы Вы под этим не понимали. Лучше ответьте, сколько людей за это время переехало в Сумерки?

– Точно не знаю, около десяти миллионов.

– Причем, половина из них – за последние пятнадцать лет. Так вот я Вас хочу спросить, они еще люди?

Андер улыбнулся.

– Разве я не человек? А я живу в Сумерках полжизни.

– Да-да, мы об этом уже говорили. Вы не перестали быть человеком, – уточнил Брейвис, – и, наверно, у Вас это вряд ли получится. А вот Ваши дети, и дети Вам подобных людьми уже точно не будут. Они станут эрзац-ленсами со странной и им самим чуждой физиологией. С урезанной куцей культурой, воспринятой от чуждого окружения и своих родителей, еле-еле этой культурой овладевших. Сколько людей сохранит человеческую идентичность через шестьдесят лет? Это же будет еще при Вашей жизни. Представляете? Земляне следующего поколения уже не будут знать сонетов Шекспира и сказок братьев Гримм. Для них Моцарт будет странной какафонией, и «Мона Лиза» – измазанным куском ветхой ткани.

Андер развел руками.

– Но послушайте, этих людей никто не принуждает. Ни ехать в Сумерки, ни отказываться от родной культуры. Это их свободный выбор, выбор свободных людей.

Брейвис покачал головой.

– Поразительно. Вы – сын ученого, получивший хорошее образование, очень неглупый человек. И не понимаете одной очень простой вещи. Народ, культура, цивилизация – это ведь не только живущие сейчас, с их желаниями, знаниями и заблуждениями. Человечество – это еще и все, кто в него входил до нас, и те, кто войдет потом. Наши предки через пот и кровь, смерти и страшные ошибки, создали нас, нашу культуру, наш мир и донесли их до нас. И мы ответственны перед ними за то, чтобы богатство, доставшееся такой дорогой ценой, не было нами промотано и растрчено впустую, а преумножено, и донесено до наших потомков.

Он замолчал.

– Ну так помогите им, – сказал Андер.

– Что? – не понял Брейвис.

– Чтобы сохранить человечество на Земле – надо быть на Земле. А сейчас Вас там нет. Андер приблизился к адмиралу и посмотрел ему прямо в глаза.

– Адмирал, медицина на Земле достигла невероятных высот. Это, собственно, один из подарков ленсов человечеству. На Земле Вы можете прожить еще лет пятьдесят как минимум. И это будет не дряхлая старость, а вполне деятельная зрелость. Вы потратили предыдущие шестьдесят лет на благо человечества. Так как Вы его понимали. Вы ошиблись, это оказалась ложная цель. Но еще не поздно все исправить. Вы можете вторую половину жизни потратить на великое дело возвращения людей из Внеземелья домой. Ваш опыт, Ваш авторитет, да одно Ваше имя может убедить миллионы.

Более того, среди живущих на Земле есть немало тех, кто может Вам поверить, пойти за Вами. Так помогите им сохранить в себе человечество, а человечеству сохранить в себе их.

Адмирал изумленно воззрился на Андера.

– Так вот почему Вы приняли мое приглашение...

– Послушайте, – взволнованно сказал Андер, – у меня как у чрезвычайного посла есть много прав, в том числе при особых обстоятельствах единоличным решением давать членство в Цехе. Я могу сделать Вас клиентом Цеха прямо сейчас, не сходя с места. Пойдемте со мной. Вы говорили, что всегда мечтали вернуться на Земле. Вы там будете через сутки.

Он протянул руку Брейвису.

Адмирал откинулся в кресле, скрестив руки на груди. Чуть склонив голову, он разглядывал Андера как занятное насекомое. Его взгляд как будто потух.

– Бесплезно, – тихо, но отчетливо проговорил он.

– Но почему? – Андер даже слегка привстал, – Всего два шага до выхода из зоны, и все. Они не посмеют...

– Да это я не Вам, – Брейвис досадливо махнул рукой, – да и не о Вас, вообще-то. Не так Вы мне и интересны сами по себе. Я – обо всех ленсонах. Просто Вы – эталонный экземпляр.

Он устало вздохнул.

– Сами эти переговоры – ошибка. Следовало просто продолжать войну. До полного уничтожения. Либо Внеземелья, либо ленсов.

– И до нашего уничтожения, адмирал? – уточнил Андер.

Брейвис брезгливо скривился.

– А вас уже и так нет. Вы – часть задника на этой картине. Причем, неодушевленная.

Лицо Андера вдруг приняло сосредоточенный вид. Он что-то пробормотал одними губами. Будто вспомнив, где находится, уставился на Брейвиса, силясь поймать нить разговора.

– Вы, кажется, торопитесь, Посол, – с издевательской участливостью поинтересовался Брейвис, – Ленсы зовут?

Он отвернулся от Андера:

– Орган! Отведите инопланетного Посла, куда ему будет угодно.

На обратном пути Андер размышлял, насколько, на самом деле, сильным стимулом для него на переговорах было соперничество с кумиром юности. «Как это трогательно, однако, – мрачно думал он, – в ранней молодости почти молиться на великого человека, а через тридцать лет встретиться с ним на равных и победить в честном поединке. И отправить на заклание.»

Андер дошел до дверей межсекционного лифта. Орган следовал за ним в полуметре. Они остановились. Стало слышно мерное гудение лифтовых механизмов. Андер вспомнил, что для перехода из одной миссии в другую на Станции используются специальные устройства из-за разницы в угловых скоростях секций. «Так вот откуда это чувство тяжести, – сообразил Андер, – Всего лишь более сильное псевдотяготение».

Он повернулся к адъютанту Брейвиса.

– Благодарю Вас, Орган, дальше – я сам.

Ортан никак не отреагировал. Андер наблюдал за ним искоса. Итакиец достал из кармана старомодной куртки пачку сигарет, вытащил одну, поджег. Андера слегка передернуло от неожиданности. Он почувствовал пахучий удушливый дым и невольно отстранился.

– Зачем Вы приходили? – резко спросил Ортан, не глядя на Андера.

– Он пригласил меня, Вы же знаете, – безо всякого удивления отозвался Андер.

– Зачем Вы приходили, Андер? – Ортан раздраженно повысил голос.

Андер выпрямился и смерил Ортана презрительным взглядом.

– Я хотел спасти адмирала. По крайней мере, попытался.

Ортан моргнул, несколько раз поднес сигарету к губам, отчаянно швырнул на пол, и, не погасив, поспешно удалился.

3.

Из красного дневника:

«...Всегда ли можно точно определить момент, когда совершается предательство? Когда делается последний шаг, после которого вдруг обнаруживается, что ты уже играешь уже на другой стороне?

В разгар битвы с турками император отдает любимого коня младшего сына спешенному в бою военачальнику. Взбешенный принц, дождавшись, когда поражение турок становится явным, на глазах у обоих войск скачет на сторону противника. Он подъезжает к разгромленному султану и предлагает тому свой меч и свою преданность. Принц переезжает поле. На одном его конце он еще верный сын, защитник веры и империи, на другом – уже предатель, изменивший всему, что только что казалось самым важным.

Рискну предположить: такое явное предательство происходит гораздо реже, чем постепенное, когда каждый шаг мал и кажется незначительным компромиссом. И только после множества таких небольших шажков вдруг оказывается, что поле перейдено. И над тобой совсем другой штандарт. И ты в другом строю, а твои бывшие соратники напротив – через поле.»

Глава 2. Станция миров. Миссия Земли

Андер торопливо вошел в аппараты Цеха мостовщиков. Мирского встречал его у входа.

– Что случилось, Энди? – спросил Андер, – Из-за Вашего вызова мне пришлось скомкать разговор.

– Ну и как старик? Ничего не получилось? – Мирский заинтересованно наклонил большую голову.

Андер махнул рукой.

– Сильно сдал, но это все тот же Брейвис. Капитан Железная башка. Чего Вы хотите, Энди? Девяносто лет, в таком возрасте взгляды не меняют.

– Но попробовать стоило, – заметил Мирский.

– Да, – кивнул Андер, – стоило. Но, вернемся к нашим баранам. Вызов первого уровня, выше – только возобновление войны.

– Великие хотят Вас видеть, Андер. Через час.

– Вот как, – Андер помрачнел, – Чего они хотят? Что-нибудь уже известно?

Мирский покачал головой.

– Только, что это касается Договора.

– Но он уже всеми подписан, – Андер приподнял бровь, – Я думал, остальное – наше с Итакой дело.

– Это все, что я знаю.

– Вы уже оповестили Цех?

Мирский отрицательно помотал головой.

– Я подумал, что лучше сначала узнать, чего хотят Великие.

– Логично, – согласился Андер.

Посол Андер, резидент Сумерек Нор Рипет из клана Рипет и первый подмастерье Посла Энди Мирский собрались в аппаратах Посла Цеха перед большим экраном.

Ровно в назначенный срок включилось изображение. В центре экрана на возвышении сидели трое вандов. В полутьме влажно поблескивали выпученные глаза и зеленоватая кожа рептилий. Сидящий в центре ванд разинул зубастый рот и издал гортанный звук. Транслятор перевел:

– Господин Посол и сопровождающие. Великие хотят донести до Вас дополнительную информацию о вступлении решения Великих по конфликту Земли и Итаки в силу. Готовы ли Вы выслушать волю Великих?

Андер глянул на Рипета и Мирского. Мирский изобразил кислую гримасу. Рипет перевернул зеленую кисть тыльной стороной.

– Готовы, – ответил Андер.

Теперь вещал ванд, сидящий слева:

– По известной Великим информации Землю населяют две расы – ленсы и люди. В настоящее время по решению Великих заключен мирный договор между Внеземельем людей и Сумерками. Однако, поскольку Сумерки фактически представляют только одну расу – ленсов, для вступления в силу требуется ратификация договора полномочными представителями людей Земли. Ратификация следует провести в течение сорока земных суток включая текущие.

Андер медленно откинулся на спинку кресла. Мирский разинул рот от изумления. Левый ванд замолчал. Открыл рот центральный.

– Можете задавать вопросы.

– Великие введены в заблуждение! – воскликнул резидент Рипет, – Ленсы – не раса, а цивилизационное сообщество, в которое входят представители разных рас. На Земле в Сумерках живут ленсы разного происхождения, в том числе и человеческого. Но Цех мостовщиков на этих переговорах и их представитель.

Андер сделал предостерегающий жест, но махнул рукой.

– Первое предупреждение, – каркнул ванд, – Великие предложили вам не оспаривать их решение или факты, на основании которых оно принято. Можно только задавать вопросы.

– Простите резидента Рипета, – мягко проговорил Андер, – он просто не совсем верно сформулировал вопрос. А именно: почему полномочий Посольства недостаточно для признания договора заключенным, если Цех мостовщиков уполномочен всеми Цехами Сумерек, которые, в свою очередь, представляют и людей Сумерек, в том числе?

Ванд разинул крокодилю пасть. Транслятор так же бесстрастно продолжил:

– Извинение принимается. Слушайте ответ Великих. Кроме Сумерек на Земле есть еще так называемые стэйты, в которых живут разумные расы людей. Эти разумные представляют цивилизацию, возникшую на Земле еще до появления на ней ленсов. Цех мостовщиков не уполномочен заключать соглашения от их имени.

– Прошу прощения у Великих, – пробурчал Рипет, – но при чем здесь стэйтики? Война велась между Сумерками и Итакой.

– Слушайте ответ Великих, – каркнул ванд, – Война, действительно, велась между Сумерками и Итакой. Но условия заключаемого договора имеют отношение к жизни на всей Земле, включая вопросы таможни, культурного обмена и иммиграции. Особенно важен вопрос иммиграции. Согласно договору Сумерки соглашались на допуск на Землю, в том числе, на постоянное жительство любого представителя человеческой расы, который этого пожелает. В том числе участвовавших в военных действиях. Великим известно, что Сумерки полагают последних убийцами. При этом Великим также известно, что по существующим в Сумерках воззрениям убийство – не преступление, а следствие опасного безумия. По этой причине в Сумерках к таким применяют полную принудительную коррекцию сознания во внесудебном порядке по медицинским показаниям. По этой же причине к таким существам не применяются помилование и амнистия. Указанное Великими положение договора не предполагает допуск иммигрантов – бывших участников военных действий в Сумерки. Таким образом, Сумерки дают обязательство доставить в стэйты человеческой расы существ, которых они сами считают безумцами, представляющими опасность для жизни разумных. Следовательно, без согласия жителей стэйтов договор не следует считать справедливым.

Рипет дернулся, но Андер чувствительно наступил ему на ногу. Резидент осекся.

– Прошу прощения, – сказал Андер, – в связи с этим возникает очень серьезный технический вопрос. У стэйтов нет единой структуры управления или представительства. Как же мы сможем получить от них ответ, который будет принят Великими?

– Слушайте ответ Великих, – также монотонно проскрежетал транслятор, – Сумерки обладают достаточным уровнем технологий, чтобы помочь людям стэйтов решить технические проблемы проявления общей воли в указанный Великими срок. Если же жители стэйтов не захотят в течение указанного срока составить постоянный или временный единый орган представительства их большей части, то это и будет означать их незаинтересованность в заключении договора.

Андер осторожно положил руку на плечо едва ли не трясущегося от ярости Рипета.

– Еще один вопрос. Почему это условие не объявили во время оглашения общего решения арбитража Великих по договору – спросил Андер, – В присутствии представителей Итаки? Доведена ли информация об этом дополнительном условии до них?

– Ответ на первый вопрос, Посол Андер: Великие посчитали это не целесообразным. Ответ на второй: нет, не доведена. По условиям договора на прекращение огня и взаимный

отвод вооруженных сил выделен период, эквивалентный сотне земных суток. Дальнейшие этапы, связанные с передачей опорных пунктов, обмена посольствами и заключением торговых и миграционных соглашений, начнутся уже после этого. Или не начнутся. Если в течение сорока дней договор не будет ратифицирован людьми стэйтов и не вступит в силу, Великие сообщат об этом властям Итаки. Если к этому времени взаимное убийство разумных будет прекращено даже без действующего договора – это все равно будет благом для мира Разума. Это ответ на последний вопрос.

Ванды встали как по команде. Андер и Мирский тоже поднялись. Рипет с недовольным видом оторвался от кресла последним.

– Да будет с вами Разум, – хором каркнули ванды.

– Да будет с вами Разум, – нестройно ответили представители Сумерек.

Экран погас. Андер развернулся к Рипету.

– Что Вы хотели сказать Великим, мост Рипет?

– Это еще имеет значение? – огрызнулся Рипет.

– Да, мост Рипет, – спокойно подтвердил Андер, – Если Вы считали необходимым довести это до сведения Великих на официальной аудиенции по вопросу, касающемуся судьбы планеты Земля, мне важно это знать.

Рипет нахмурился:

– Хорошо, посол Андер. Вы не дали мне сказать Великим, что в большинстве стэйтов итакийских убийц вовсе не считают опасными безумцами. Это если очень коротко.

Андер кивнул.

– Я понял Вас, мост Рипет. И, разумеется, Вы как хорошо подготовленный мостовщик сейчас кратко изложили самую суть своего несостоявшегося заявления. Так вот, не буду настаивать, но все же могу предположить, что такая формулировка очень близка к утверждению, что жители стэйтов поддерживают притязания Итаки на Землю. Вряд ли стоит это говорить на официальной встрече с Великими.

– Досточтимый посол Андер, – в голосе Рипета зазвенела сталь, – я не вижу смысла лгать в ситуации, когда мы считаем себя правыми.

Андер вздохнул.

– Извините, мост Рипет. Я не могу назвать себя настолько опытным мостовщиком, чтобы учить резидента Земли, но, по крайней мере, один мой учитель несомненно таков. Так вот он говорил: хороший мостовщик старается лгать только в самых крайних обстоятельствах. Обычно дипломат говорит правду, но только так, чтобы собеседник интерпретировал ее в нужном для мостовщика смысле.

– Я надеюсь, – добавил Андер, – Великие сделают скидку на то, что Вы на Станции недавно. Но все же впредь позволю себе дать Вам дружеский совет – постарайтесь быть сдержанней. Здесь не Земля.

Рипет глухо пробормотал формулу прощания и поспешно удалился. Он выглядел одновременно пристыженным и крайне раздраженным.

– А меня его поведение не удивляет, мост Андер, – следуя взглядом за Рипетом, произнес Мирский, – Их высокомерие и бесцеремонность кого угодно выведут из себя. Вот Вас я понимаю гораздо меньше. Год переговоров коту под хвост.

Андер хмыкнул.

– Вспомните, Энди, сколько раз Вы мне это говорили за последние полгода.

Мирский с сомнением глянул на него.

– А Вы думаете, Каму удастся за несколько дней договориться со стэйтами? И добиться, чтобы они приняли нужное решение, да еще способом, убедительным для Великих?

– Отчего нет? – пожал плечами Андер, – Сумеркам есть чем расплатиться со стэйтами.

– Да кто они, вообще, эти Великие? – взорвался Мирский, – Вы можете мне сказать, шеф?

– Могу, – не замедлил с ответом Андер.

Мирский от неожиданности выпучил глаза. Андер увидел своего холеричного помощника в растерянном онемении и еле сдержал улыбку,

– И кто же?

– Они – Великие Посредники.

– Я серьезно, мост Андер, – слегка обиделся Мирский.

– Так и я серьезно, – парировал Андер.

– Ну, давайте хоть раз проговорим вслух то, о чем все и так говорят, шеф, – возбужденно заявил Мирский, – Давно пора.

– Валяйте, Энди.

Мирский забежал из стороны в сторону.

– Вы видели хоть одного из них? Что про них известно? Нам рассказывают, что Великие – представители древней и невероятно могущественной цивилизации. Что они насколько далеко ушли от нас, что мы не в состоянии даже отличить результаты их деятельности от природных явлений. Якобы они взрывают сверхновые и создают новые планетные системы, прокладывают внепространственные туннели и творят тому подобные чудеса. Нас заставляют принимать на веру их свершения. При этом своими фантастическими знаниями и технологиями они не делятся под предлогом якобы моральной неготовности других цивилизаций. Спички детям не игрушка.

– Что это значит? – не понял Андер.

– Не знаю, – отмахнулся Мирский, – так говорила моя бабушка. И – внимание, смертельный номер! – общение с ними возможно только через второстепенную и не самую развитую цивилизацию псевдорептилий, которую наверняка бы давно схарчили более сильные, если бы не их роль единственных вещателей воли Великих.

И поразительное дело – эту откровенную ерунду мы должны проглатывать из-за того, что все это официально признает полтора десятка вполне реальных цивилизаций Галактики. Вот скажите, шеф, Вы верите, что Великие, вообще, существуют?

– А это не важно, – спокойно ответил Андер, и прояснил на немой вопрос потерявшего дар речи Мирского, – Важно, что благодаря арбитражу Великих уже несколько тысяч лет в Галактике почти нет войн, а начинающиеся достаточно быстро прекращаются. Если благодаря этому не самым успешным вандам удастся играть среди разумных роль, не соответствующую их реальному уровню, то, право слово, за всеобщий мир среди разумных это не самая высокая цена.

Мирский усмехнулся и несогласно покрутил головой.

– Воля Ваша, мост Андер, я еще готов принять мир, держащийся на лжи. Но вот в устойчивость мира, держащийся на лжи очевидно глупой, я просто не верю.

Теперь усмехнулся Андер.

– А Вы бы предпочли, Энди, чтобы функции судьи в конфликтах между цивилизациями выполнял кто-то, кроме последнего слова в них обладающий еще силой реально могущественной цивилизации и соответствующими возможностями и амбициями? Представьте себе последствия. Ну а теперь представьте себе, что упомянутые Вами полтора десятка миров управляются не последними дураками. И сделайте выводы.

Мирский с некоторой карикатурностью разинул рот от удивления. Нахмурился.

– И Вы полагаете такое положение вещей правильным даже сейчас? Когда считанные минуты назад эта химера поставила нас в настолько сложное положение?

Андер вздохнул.

– Извините, Энди, но я полагаю, для пересмотра взглядов на правильное устройство Галактики нескольких минут все же маловато.

Мирский развел руками.

– Сдаюсь, шеф. Иногда, как вот сейчас, мне кажется, я слышу не Ваш голос, а голос моста Кама. Я искренне жалею, что мне не посчастливилось иметь такого учителя. Кстати, господин посол, – заметил Мирский, – а Вам не кажется, что пора отправлять срочное сообщение Старейшине Каму?

– Господин первый помощник, – Андер насупился, – Мы не будем отправлять сообщение. Сообщение отправит... вернее, уже отправил резидент Рипет мосту Фаго, если я что-то понимаю в психологии разумных, – поправился он, – А офис Посла, как положено, отправит куратору переговоров на Земле старейшине Каму отчет по форме, который Вы напишете, а я отредактирую. В положенное время. То есть, примерно через пару часов.

Мирский сел, закинул ногу на ногу и развел руками.

– Но тогда первым информацию о дополнительном условии узнает старейшина Фаго.

– Именно так..., – Андер продолжил, четко выговаривая слова, – Получив сообщение, Старейшина Фаго испугается. Он решит, что переговоры со стэйтами и, стало быть, всю ответственность за ратификацию договора стэйтами, возложат на него. Как, собственно, и предполагается по его функционалу. И поторопится довести информацию до Совета. Вместе с предложением поручить это важное дело старейшине Каму, куратору переговоров. Что, вообще говоря, и есть единственный устраивающий нас вариант. У Кама с его связями организация съезда стэйтов и убеждение представителей может получиться лучше, чем у других членов Совета.

Мирский хмыкнул и ритмично покивал.

– Неплохо спето, мост Андер... Логика в этом есть, мост Андер... Но отчего Вы так уверены, что старина Фаго, впав в панику, будет действовать логично? Не лучше ли, чтобы мост Кам узнал о дополнительном условии Великих первым? И чтобы он сам предложил Совету свои услуги по организации съезда стэйтов?

Андер помотал головой.

– Нет, не лучше, Энди. Это поручение не должно быть собственной инициативой моста Кама. Члены Совета должны его воспринимать как неявное наказание моста Кама и офиса за допущение этого дополнительного условия. И, стало быть, выполнив его, он как бы искупит вину.

Мирский медленно заплодировал.

– Хорошо-хорошо, мост Андер. Вы меня убедили. Но что мешает нам все же сообщить информацию мосту Каму? Ему же не обязательно признаваться Совету в своей осведомленности.

Тут он хлопнул себя ладонью по лбу и улыбнулся.

– Ах да, Вы же только что уже ответили на этот вопрос мосту Рипету!

Оба остались довольны импровизацией и пожали друг другу руки.

– Запрос связи от Тоя Гелна, – сообщил комм.

Андер перевел сигнал на большой экран. Появилось грубо вылепленное лицо Гелна. Кшатрий выглядел заметно озадаченным.

– Посол Андер, к Вам посетитель из миссии Итаки с грузом.

Андер приподнял бровь.

– Какая-то проблема, мост Гелн?

– Почему Вы решили... – удивился Гелн.

Андер мягко улыбнулся.

– Иначе вряд ли о посетителе мне сообщал бы начальник службы безопасности миссии. Груз не прошел стандартную проверку?

– Нет, Посол, стандартную проверку груз прошел. Проблема с самой природе груза, – Гелн заколебался.

– Договаривайте, мост Гелн, – подбодрил его Андер.

– Это сосуд со спиртосодержащей жидкостью, предназначенной для питья, – закончил Гелн, – Она входит в список запрещенных для ввоза на территорию Сумерек. Я в затруднении, Посол. Инструкция не позволяет мне пропустить груз. Но его доставил адъютант адмирала Брейвиса.

Андер с Мирским переглянулись. Андер на секунду задумался.

– Мост Гелн, вы помните случай с церемониальным свитком из миссии каруссов из выделанной кожи убитого разумного?

– Да, Посол, – подтвердил Гелн, – Тогда мы пропустили его в миссию как послание.

– Так вот, мост Гелн, доставленный Ортаном сосуд – это тоже послание. Таковы традиции аборигенов Земли.

– Это Ваше официальное мнение? – с заметным облегчением осведомился Гелн.

– Да.

Лицо кшатрия приняло обычное уверенное выражение. Проблема благополучно разрешилась.

Дверь офиса отворилась и за ней показался Ортан с роботом-тележкой.

– Посол Андер, это подарок Вам от адмирала Брейвиса, – почти не разжимая губ, прощедил Ортан.

Андер открыл коробку. Там оказались шесть бутылок итакийского вина. Одна – откупоренная и наполовину пустая.

– Это вино, которое Вы не допили на встрече, Посол Андер, – пояснил адъютант.

– Хорошо, Ортан, – Андер приятно удивился, – передайте от меня благодарность адмиралу.

– К сожалению, это невозможно, – также деревянно и стараясь не смотреть на Андера, ответил адъютант, – Адмирал только что отбыл на Итаку.

Сказав это, Ортан тут же быстрым шагом удалился. Как только он исчез, нарочито каменное выражение лица Мирского сменилась выражением неподдельного изумления.

– Вы пили с адмиралом, шеф! – ахнул Мирский.

– Да, – невозмутимо согласился Андер, – и как Вы знаете, это полностью соответствует протоколу. Мостовщик должен соблюдать все обычаи и правила принимающей стороны, если это не представляет опасности его жизни, не наносит существенного вреда здоровью и не унижает достоинства Цеха или другой стороны переговоров. Лучше о другом подумайте – Брейвис улетел без адъютанта. Что это, по-Вашему может значить, Энди?

Мирский задумался.

– Я думаю, ничего хорошего.

Андер кивнул.

– Поразительная судьба, однако, – проговорил задумчиво Мирский, – Мальчишка из трущоб. Потом неуловимый контрабандист, потом легендарный капитан партизан, затем главнокомандующий флотом Вnezемелья, и, наконец, посол Итаки на эпохальных переговорах. Судьба, которой хватило бы на десять жизней. И что в финале этой притчи? – Опозоренный покойник или пожизненно заключенный в печально знаменитых итакийских каменоломнях. Вы не находите, шеф, что это повод выпить?

– В резиденции Посла Цеха мостовщиков? В нарушении строгого запрета Сумерек на алкоголь? – насупил брови Андер, – Конечно, нахожу.

Мирский взял бутылку за горлышко и стал разглядывать солнышко на этикетке.

– А, ну да, – Мирский хлопнул себя ладонью по лбу, – «Солнце приходит в Сумерки», девиз итакийцев. Все-таки, это послание. Адмиральское «а, все-таки, она вертится». Оказывается, Вы вовсе не обманули Гелна.

– Что Вы, Энди, – Андер сделал оскорбленное лицо, – Разве можно лгать начальнику службы безопасности?

...Мирский повертел стакан с вином в руке.

– А я ведь не пил вино с тех пор, как попал на Станцию. Знаете, шеф, – сказал Мирский, – Если начистоту, я поначалу не слишком обрадовался Вашему быстрому взлету. Это ведь я до Вашего назначения был самым высокопоставленным человеком в Цехе. Когда Вас стали продвигать, мне казалось, Вам достается то, что должно быть моим.

– А сейчас не кажется? – спросил Андер, закинув руки за голову.

Мирский мягко улыбнулся.

– А сейчас я думаю, как Вы будете выпутываться из этой истории с ратификацией. А если серьезно, нам, людям, надо держаться вместе. На этом уровне нас среди разумных очень мало. Мы должны поддерживать друг друга.

Он поднял стакан.

– Прозит.

– Прозит, Энди, – отозвался Андер, – Я тоже рад, что мы уже полгода работаем вместе. И что нам все больше удастся найти общий язык. Впрочем, боюсь, наша вечеринка подходит к концу. Пора писать отчет о встрече с Великими. Пришлите мне через полчаса черновик, я отредактирую и отправлю.

– Запрос связи из резиденции Великих, – сообщил комм.

Андер включил общий доступ.

На экране появился ванд.

– Посол Андер, слушайте волю Великих, – прокаркал ванд.

– Слушаю, – взволнованно подтвердил Андер.

– По решению Великих, речь с обоснованием необходимости ратификации договора перед представителями стэйтов людей Земли должны произнести лично Вы. Выступление должно пройти в Вашем родном стэйте. Это обязательное условие. Да будет с Вами разум.

Ванд отключился.

Не скрывая изумления, Мирский уставился на Андера. Посол поднял только что наполненный стакан и медленно допил до дна.

– И все же я поражаюсь Вашей невозмутимости, мост Андер, – заметил Мирский, – как будто Вас происходящее абсолютно не волнует.

Андер медленно обернулся к Мирскому:

– Сам удивляюсь, Энди. Простите, мне нужно отойти.

Андер зашел в специально для него переоборудованную туалетную комнату. Закрыв дверь, несколько раз плеснул в лицо, обессиленно уперся руками в камнепластовую раковину и на пару минут уставился в большое зеркало на стене. Оттуда смотрел бледный темно-русый мужчина под сорок, с бровей и ресниц которого капала и стекала мелкими ручейками вода. Как слезы или лихорадочная испарина. «Вот так, Олик, – пробормотал ему Андер, – Если долго прятаться от призраков прошлого, однажды они застанут тебя врасплох. И больше никаких отсрочек.» Андер нажал рычаг старомодного унитаза и вернулся в зал.

– Пожалуй, многовато сегодня для меня, – устало бросил он Мирскому, – отправьте отчет сами.

Мирский сидел в кресле, и с озадаченным видом вертел в руке пустую бутылку.

– Кстати, шеф, – произнес Мирский, заметив возвращение Андера, – а ведь это только то вино, которое господин Орган привез, прошло проверку на яды и нанороботы. А в секторе Итаки Вас могли опоить чем угодно. Вы уверены, что старик Брейвис Вас попросту не отравил каким-нибудь медленно действующим ядом? Чего ему терять? – Мирский с подозрением уставился на зеленовато-синее стекло, будто пытаясь разглядеть в его глубине зелье.

Андер спокойно кивнул.

– И такое возможно.

– И что тогда? – поинтересовался Мирский.

– Тогда речь перед съездом стэйтов произнесете Вы, – пожал плечами Андер. Мирский расхохотался.

Глава 3. Космопорт Сумерек

Из красного дневника:

«... Планета бесновалась как раненный зверь. Выла ураганами и пыталась землетрясениями сбросить с себя источник боли.

Перед гибелью человечество успело понять искусственный, рукотворный характер постигшей его Катастрофы. Но это знание ему мало помогло.

В первый год погибла большая часть населения. Человеческая цивилизация рухнула, оказавшись колоссом на глиняных ногах. Слишком сложная и переполненная взаимно зависимыми блоками, она рассыпалась на мертвые нежизнеспособные обломки, оставив после себя обездвиженные механизмы, погасшие города, зарастающие дороги, и много, очень много человеческих останков.

По джунглям и дремучим лесам, в которые превратились города Евразии, Африки и Америки, бродили полуодичавшие банды, враждующие между собой за все более скудные крохи былой роскоши. По растрескавшимся асфальтовым дорогам рыскали дикие звери. В некоторых бывших мегаполисах еще теплилось какое-то подобие цивилизованной жизни. Но техника выходила из строя от старости, умения утрачивались, дома и сооружения ветшали и обрушивались. Отделенные друг от друга расстояниями и упадком технологий немногочисленные очаги выживания угасали один за другим. Люди, еще помнящие о былом величии своего мира, в отчаянии смотрели, как попытки остановить деградацию и одичание одна за другой терпят неудачу. И умирали

От восьми миллиардов прежнего населения Земли через тридцать лет на планете осталось не более одного процента. Кроме них выжили только обитатели нескольких внеземных поселений.

И тут с неба спустились ленсы, на их языке просто – «разумные». Они походили на немного нелепых зеленых прямоходящих медведей, но спасенным показались белокрылыми ангелами.

Ленсы немедленно начали операцию спасения. Они спешно развернули лагеря беженцев, где отчаявшиеся аборигены нашли защиту от беспощадного холода, убивающей жары и вездесущей радиации. Где каждый мог впервые за десятки лет вдоволь наесться, помыться и получить медицинскую помощь. Поисковые отряды из ленсов и присоединившихся к ним землян прочесывали планету в поисках выживших. Их вытаскивали из подземных бункеров и таежных избушек, увозили одичавших и потерявших человеческий облик. И возвращали к нормальной жизни. Так были спасены сорок миллионов разумных.

И только одного боялись благодарные земляне – что звездные братья уйдут так же внезапно, как и появились. Но братья не ушли.

На языке ленсов их культура и цивилизация назывались одним словом – «Ленсс». Буквально это означало «хорошее отношение к разумным на том единственном основании, что они – разумные».

В земных языках аналога этому слову нет.

Бойся данайцев, дары приносящих...»

Андер шел по корридору служебных помещений в сопровождении высокого брахмана с капитанским маячком. Около раздвижной стенки с брахман остановился и указал Андеру на неровную надпись «HUMEN»:

– Мы пришли, Андер. Дальше – сектор «голокожих».

– Спасибо за помощь, мост Кисс, – Андер пожал руку капитана на человеческий манер, – Рад встретиться с однокашником.

Кисс изобразил формулу доброго расположения.

– Соученичество больше Цеха.

– Соученичество больше Цеха, – согласно кивнув, повторил Андер.

Он прошел через стенку и очутился в старомодном зале ожидания воздушных судов. Повернув головой, рядом с собой Андер увидел дверь, над которой светила надпись на ингл: «Земная кухня». И чуть ниже – более мелкими буквами: «Приглашаем Ленсс земного происхождения».

Кафетерий оказался полон народа. Андер, немного поколебавшись, взял кофе из автомата и подошел к единственному столику со свободными местами. За ним в одиночестве сидел мужчина средиземноморской внешности лет сорока пяти с широкой седой прядью в волосах и выражением сосредоточенной отрешенности на лице. Как обычно выглядит человек, углубленный в комм.

– Простите, можно к Вам присесть? – спросил Андер, – Свободных столиков нет.

– Да, пожалуйста, – рассеянно ответил мужчина, слегка скосил глаза на обратившегося к нему, и пробарабанил лансовскую пальцами формулу представления, – Гвидо Корелли, литератор, очень приятно, – и опять уткнулся невидящим взглядом в точку.

– Оливер Андреев, дипломат, – в ответ представился Андер.

Взгляд Корелли прояснился, он уставился на Андера и громко хмыкнул.

– Что-то не так? – поинтересовался Андер.

– Да нет, извините, – Корелли, улыбаясь, махнул рукой, – Просто забавно встретить человека в ту самую минуту, когда читаешь о нем книжку. Впрочем, не удивительно. Вы ведь знаменитость, Посол.

– Книжку про меня? – удивился Андер.

– Да, автор – некто А. Карсми. «Олли Андер: из стэйта к звездам». А Вы разве не в курсе, что про Вас пишут книги? Я понимаю, на Станции доступ к информации несколько ограничен, но не до такой же степени! Вы совсем не следите за тем, что происходит на Земле? Зря, за время Вашего отсутствия случилось много интересного.

Андер приподнял уголки губ.

– Я был немного занят.

Корелли поспешно закивал головой.

– Ну да, конечно. И все же странно, что Вам никто не сказал, что на земле пишут Ваши биографии. Это ведь не единственная книга о Вас. Ее мне посоветовали, как самую толковую.

– И как Вам?

– Да как сказать... Неровно, но там есть одна очень верная мысль, которая мне кажется важной. Но при этом она мало кем проговаривается.

Андер с интересом глянул на Корелли.

– Вы меня заинтриговали, Гвидо. Можете пояснить, что Вы имеете в виду?

Корелли сготовностью придвинулся к Андеру.

– Как Вам угодно. Видите ли, в основном, люди, живущие в Сумеречных городе, относятся к двум типам. Первый – те, кого называют лансоны, – Корелли слегка усмехнулся, – Заметьте, сами себя они так не зовут. Для себя они – просто лансы, в крайнем случае, «лансы земного происхождения», во избежание совсем полной путаницы. Это переселенцы, которые пытаются максимально перевоплотиться в лансов. Они полностью порывают с оставшимися в стэйтах, селятся в квартирах, максимально напоминающих лансовские гроты – с проточным бассейном и виброкомнатой. Носят мохнатые костюмы, ходят на «слияния». Заводят семьи из трех человек. Высшим успехом считают право на воспитание детей-лансов. Иногда это выглядит забавно, иногда – пугающе.

Второй тип – чисто экономические иммигранты. Их стало особенно много в последнее время, с тех пор, как среди лансов вошло в моду живое обслуживание. Официанты, водители

флайеров, семейная прислуга и так далее. Хотя они постоянно общаются с ленсами, эти люди даже не пытаются интегрироваться в ленсовское общество и хоть как-то понять ленсовскую культуру. У них уже сформировалось несколько локальных сообществ. Там они воспроизводят привычную им среду обитания, разумеется, с учетом на порядок более высокого технологического уровня Сумерек по сравнению с стэйтими.

Так вот...

Корелли уставился в кофейную гущу на дне чашки, выдержал многозначительную паузу и продолжил.

– Обычно пишущие о Вас без доказательств принимают, что Вы относитесь к первому типу. И это понятно. Большинство этих текстов написано для ленсонов. Вы для них – пример сверхуспешной интеграции. Вы только подумайте! Даже не просто человек, землянин, а стэйтик, приехавший в Ленсс уже взрослым, еще не достигнув сорока лет, представляет Ленсс перед другими цивилизациями.

Андер поставил пустую чашечку на стол.

– Но автор книги с этим не согласен?

Корелли развел руками:

– Смотря с чем. Разумеется, Вы – выдающийся случай успеха землянина в Сумерках. Но Вы – не ленсон, который отказывается быть человеком, чтобы превратиться в странное и невразумительное подобие ленса. Но и не протек, воспроизводящий маленький эрзац-стэйт в Сумеречном городе. Оба этих варианта – явный регресс. Вы – по мнению автора книги – человек, интегрированный в общество Сумерек, но при этом остающийся человеком. Не отказывающийся от собственной древней культуры и при этом с интересом и благодарностью принимающий культуру другой цивилизации. На самом деле таких, как Вы – ну и я заодно, если позволите – немного. Собственно, я подозреваю, Ваш секрет успеха именно в этом. Ленсам не очень интересны грубые и явно упрощенные копии их самих. Какие-то шансы у них имеют только те, кто может принести им что-то свое, новое, чего у них нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.